

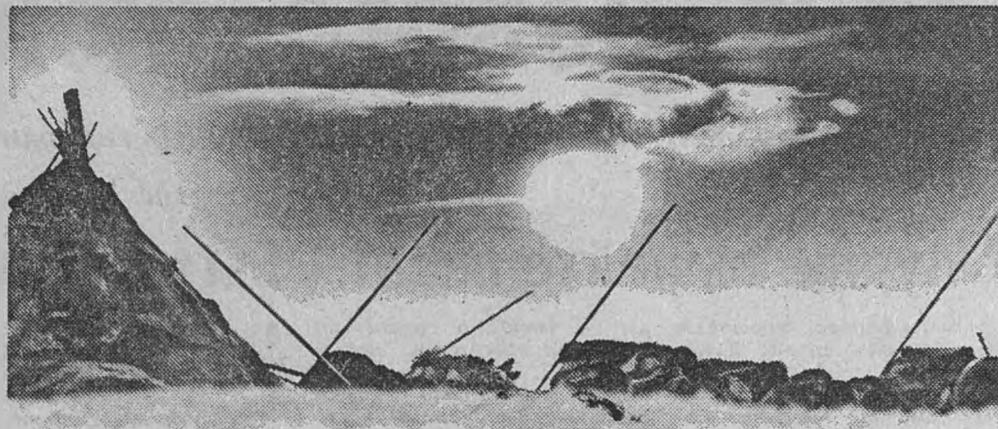
Кола Бельды женился на Оле

и в тундру ее
не увез, однако

Небольшая провинциальная сенсация. Кто-то засек во второразрядном ресторане, что Кола Бельды скромно женился на местной девушке. И, кажется, остался жить в Хабаровске.

Имя артиста, который когда-то замечательно спел «А олени — лучше», никогда не связывалось с народом нанай. И даже в бывшие всенародные праздники, когда скрупулезно и вдохновенно перечислялись представители малых народностей края, выбившиеся в большие люди, чтобы наглядно показать, как много значит Советская власть, Кола Бельды не называли. А родом-то он, оказывается, с Амурского, из небольшого сельца Муха — ударение на последнем слоге. Там, кажется, сейчас склад леспромхоза, заправка для тракторов и один сторож. Некому помнить. Так и оказалась знаменитый человек ничейным. Был впоследствии он в каком-то интернате, но оттуда сбежал. А потом подобрала его военные моряки, он с ними стал плавать и взрослеть.

Вообще его жизнь идеально подходит для сюжета мелодрамы. Человек-никто добивается чрезвычайного успеха, по-русски — «из грязи да в князи». Все сам. Работал слесарем — кончил консерваторию. Талант плюс дикая работоспособность, плюс удача. Удачей было то, что подошел к нему однажды пожилой человек. Тогда он еще был Николаем, молодым лауреатом всяческих конкурсов. Он исполнял русские народные и

неаполитанские песни, повторял репертуар Георга Отса. А человек сказал: «Ты, Коля, человек оригинальный; тебе надо петь о Севере». Это был Михаил Светлов. Он свел его с композитором Табачниковым, который как раз написал музыку к спектаклю, где пел какой-то абориген. «И трамвай — хорошо, и метро — хорошо»...

На том, давнем новогоднем балу в Лужниках, который транслировался по телевидению, первый раз прозвучало «А олени — лучше», молодая красавица Анна Шилова, ведущая концерта, тогда и назвала его экзотично Кошой. Зал визжал от восторга, на следующий день Кола Бельды стал известным. «Мне умные, хорошие люди помогли», — объяснял Николай Иванович. Да, наверное, и умные, и хорошие, иначе просто не было бы этих песен. Но что-то в них царапает душу, или слов

но идешь по ровной дороге, да вдруг неизвестно почему споткнешься. Когда я сказал, что эти песни похожи на милый незлобивый анекдот про нанайцев, а впрочем, не про нанайцев, в вообще про какой-то неопределенный северный народ, он немного обиделся и с ударением сказал: «Это просто советские песни».

Будучи уже знаменитым, он решил дать благотворительный концерт в Хабаровском крае, на его выступление нанайцы не пришли. Это как кошмар во сне, осознать вдруг, что свой собственный народ его не любит и не признает. Почему? — спрашивала я Николая Ивановича, надеясь, что по-своему он это как-то объяснит. «Не знаю!» — говорил он. — Ну не знаю! Когда он появился в Хабаровске, на улицах его оставляли люди, некоторые даже звали немедленно пойти

выпить, нанайцы не подходили никогда.

Кола Бельды никогда не забывал, как живет его народ, да разве речь только о нанай. А ительмены, юкагиры, эвены и эвенки? Он собирал оставшиеся крохи их северного фольклора, а на сцене исполнял его с представителями южных народов. Впрочем, подмены никто не замечал. Его охотно включали в программы великосветских концертов: четыре русских, три украинца, грузин и Кола Бельды для полного набора — собирательный образ всех северных и малых народностей. Почти вымирающих, но таких веселых.

Я пишу о Николае Ивановиче с какой-то печалью. Так получается, хотя речь о счастливом человеке. Он очень энергичный, смешливый, и юмор его спасает, если разговор заходит о тяжелом. И постоянно я ему задаю вопрос:

ну зачем он все-таки приехал в Хабаровск? В центре Москвы брошена шикарная квартира, связи, знакомства, в каком-то смысле поставлен крест на славе. Николай Иванович честно признается, что три года назад влюбился без памяти. Ему уж давно говорили, что нехорошо жить одиноком вдовцом. И случайно познакомился с Олей Бельды — однофамилицей и землячкой.

О любви в наше время надо говорить осторожно, осеняется она в обществе не вдохновенным «все возрасты покорны», а скорее «гив ми, гив ми, лав». Это, наверное, был самый романтический современный роман, когда популярный артист, не сняв грима, сразу после концерта мчался в аэропорт и летел на другой конец страны, в знаменитый Комсомольск-на-Амуре или вдруг сваливался из Голландии, когда о своем прибытии сообщал шифром, поскольку родители Оли были против серьезных намерений из-за разницы в возрасте, когда та рыдала и говорила: «Все равно буду любить», — и когда, наконец, они решили отметить свадьбу, а в доме поблизости у них уже была крошечная девочка, и Оля убежала ее кормить. А потом уже все сложилось само собой: и мечты, и планы, и желания.

К намерениям Кола Бельды быть полезным своему народу в Хабаровске отнеслись без энтузиазма. Инструктор отдела народов Севера, когда я интересовалась, где найти певца, вяло нудил: «Не знаю,

вроде забегал, и что хочет — тоже не знаю».

Самое страшное, что его окончательно добило по возвращении на родину, было то, что выделенную властями для нанайцев рыбу ловили русские. Если нанай разучился для себя даже рыбачить, то впереди у него только смерть. Плохонькие деревни с казенными домами, неизбежный интернат для детей, грязь, пьянство, туберкулез, пустота в душе народа. От своего берега отбили, к другому, цивилизованному, не пристали, болтаются где-то посередине, только и остается пересчитывать, сколько же их осталось? «Хочу поставить в селах малые заводы по переработке рыбы, лесогильные хозяйства», — говорил Кола Бельды. «А будут ли на них работы?» — спрашивала я. Он тускнел. Судьба народа уже необратима? Мы сразу пугаемся этой мысли, уж больно она страшна. Тогда Кола Бельды словно страхи-вает ее: «Тогда я буду заниматься утицией, помогать даже если не поможет, в конце концов доставать лекарства, продовольствие, одежду».

«Меня многие все равно не поймут», — рассуждал Кола Бельды. — Живешь, и все вроде у тебя есть, а все равно ты одинок. И как блажь, вдруг приходит в голову: поехать той едой, которую ест твой народ, поговорить на родном языке, просто посмотреть на подобных себе. А говорят, nostalgia только за границей...»

Г. МИРОНОВА.
Фото С. КУЗНЕЦОВА.